

6. Devid-Foks M. *Vitriiny velikogo eksperimenta. Kulturnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*. Moscow, 2015.
7. Motyleva T. V. *Romen Rollan*. Moscow, 1969.
8. Myuller Ya.-V. *Spyry o demokratii: Politicheskie idei v Yevrope XX veka*. Moscow, 2014.
9. Narkirer F. S. Yezhenedelnik “Monde”. *Literaturnoe Nasledstvo*. Ed. by V. R. Shcherbina. Moscow, 1969, vol. 81. Iz istorii Mezhdunarodnogo Obedineniya revolyutsionnykh pisateley.
10. Narkirer F. S. *Frantsuzskaya revolyutsionnaya literatura (1914–1924)*. Moscow, 1965.
11. Rollan R. Germanu Gesse. *Rollan R. Stati, pisma*. Moscow, 1985.
12. Rollan R. O roli pisatelya v sovremennom obshchestve. Nazyvat veshchi svoimi imenami. *Programmnyye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX veka*. Ed. by L. G. Andreeva. Moscow, 1986.
13. Rollan R. Panorama. *Sobr. soch.:* in 14 vol. Moscow, 1958, vol. 13. Publitsistika (1917–1939).
14. Uoltser M. *Kompaniya kritikov: Sotsialnaya kritika i politicheskie pristrastiya XX veka*. Moscow, 1999.
15. Tsveyg S. Sovest Yevropy. *Sobr. soch.:* in 10 vol. Moscow, 1992, vol. 5.
16. Bobbio N. Intelletuali. *Enciclopedia del Novecento*. Roma, 1979, vol. 3.
10. Narkirer F. S. *Frantsuzskaya revolyutsionnaya literatura (1914–1924)*. Moscow, 1965.
11. Rollan R. Germanu Gesse. *Rollan R. Stati, pisma*. Moscow, 1985.
12. Rollan R. O roli pisatelya v sovremennom obshchestve. Nazyvat veshchi svoimi imenami. *Pro-grammnyye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX veka*. Ed. by L. G. Andreev. Moscow, 1986.
13. Rollan R. Panorama. *Sobr. soch.:* in 14 vol. Moscow, 1958. Vol. 13. Publitsistika (1917–1939).
14. Uoltser M. *Kompaniya kritikov: Sotsialnaya kritika i politicheskie pristrastiya XX veka*. Moscow, 1999.
15. Tsveyg S. Sovest Yevropy. *Sobr. soch.:* in 10 vol. Moscow, 1992, vol. 5.
16. Bobbio N. Intelletuali. *Enciclopedia del Novecento*. Roma, 1979, vol. 3.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕОРИИ ВЛАСТИ М. ФУКО

Аласания Кира Юрьевна, кандидат политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, E-mail: alasaniak@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению концепции политического пространства, представленной в работах М. Фуко. В статье предпринята попытка показать важность взаимосвязей, существующих между понятиями пространства и « власти-знания», а также специфику существования данных понятий в рамках классификации обществ в политической теории Фуко. В связи с этим рассматриваются концепты общества суверенитета, дисциплинарного общества и общества контроля. Особое внимание уделяется исследованию идей паноптикума и « политической архитектуры» как важнейших для понимания феномена политического пространства в политической теории мыслителя.

Ключевые слова: власть, политическое пространство, паноптикум, политическая архитектура, дисциплина, контроль, дисциплинарное общество, общество контроля, власть-знание, механизм власти, техника власти.

THE CONCEPT OF POLITICAL SPACE IN M. FOUCAULT'S THEORY OF POWER

Alasania Kira Y., Ph.D. (Policy), Associate Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, E-mail: alasaniak@yandex.ru

The article examines a concept of political space represented in M. Foucault's works. The article shows the significance of links connecting the concepts of political space and “power-knowledge” as well as peculiarities of these concepts in terms of placing them in the context of Foucault's classification of societies in his political theory. The concepts of sovereignty societies, discipline societies and control societies are examined in this respect. The article pays special attention to the ideas of panopticon and “political architecture” as the most important ones in terms of Foucault's concept of political space in his theory of power.

Keywords: power, political space, panopticon, political architecture, discipline, control, disciplinary society, society of control, power-knowledge, power mechanism, power technique

Концепция политического пространства М. Фуко органично вписана в его теорию дисциплинарной власти. В творчестве философа феномен дисциплинарной власти является чрезвычайно многоаспектным, но описание основных его характеристик можно найти в работе 1975 г. «Надзирать и наказывать». В этом сочинении ясно показаны концептуальные взаимосвязи, являющиеся конституирующими для теории власти М. Фуко. С одной стороны, здесь раскрываются важные положения концепции «власти-знания», с другой – выкристаллизовывается специфика соотношения концепта политического пространства и механизмов действия власти.

Понятие наказания рассматривается Фуко как сложная общественная функция, представляющая собой определенную политическую тактику. Система преступлений и наказаний, а также история наук, имеющих целью исследование человека, его сознания, оказываются неразрывно связанными. Фуко утверждает, что уголовное право и гуманитарные науки имеют общую «эпистемолого-юридическую матрицу» [7, с. 36]. Изменение в одной из составляющих данной матрицы неизбежно влечет метаморфозы в другой ее части. Властные отношения можно наблюдать повсюду – в школе, казарме, больнице, семье. Так, знание и власть, человек и машина закона – уголовного, политического, экономического, социального – находятся в постоянном взаимодействии.

Напомним, что целью своего исследования Фуко считает описание « сравнительной истории современной души и новой власти судить, генеалогии нынешнего научно-судебного единства, в котором власть

наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которому она расширяет свои действия и маскирует свое чрезмерное своеобразие» [7, с. 35]. Изначально в фокусе внимания автора «Надзирать и наказывать» оказывается 1757 г., когда состоялась публичная казнь некоего преступника, покушавшегося на Людовика XV. Затем Фуко приводит распорядок дня Парижского дома малолетних преступников, действующего в 1838 г. Сопоставляя карательные меры, разделенные достаточно небольшим временным отрезком, автор делает вывод о том, что система правосудия изменилась. На смену публичному, откровенно жестокому наказанию, результатом которого была смерть виновного и ужас наблюдающих за казнью, пришла иная карательная форма. Отныне, по мнению Фуко, «наказание <...> должно поражать скорее душу, чем тело» [7, с. 26].

Со временем в области властных мер, относящихся в данном случае к судебной практике, доля телесных наказаний становится все меньше, в то время как растет число всевозможных исправительных учреждений (появляются психиатрические больницы, приюты для несовершеннолетних преступников). На первый взгляд, система наказаний становится менее жесткой. Однако меняется объект наказания, и воздействие карательной меры оказывается более эффективным.

Лишить человека жизни означает прекратить его существование. Лишить человека свободы означает прекратить его существование в обществе. Более того, в условиях несвободы индивид оказывается под постоянным контролем власти в лице надзирателя, врача, тюремного священника, психиатра, воспитателя. Физическое наказание оказывается слабее наказания постоянным контролем. Одно из наиболее эффективных средств контроля – ограничение. И тогда наступает время действия «геометрии власти». Такого рода «геометрия», однако, применяется не только в рамках карательной системы. Согласно Фуко, с распределением индивидов в пространстве связана дисциплина в целом.

Методы организации дисциплинарного пространства следующие: отгораживание, при этом «клеточное» («каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид»); функциональное размещение; организация пространства по рядам и т.д. [3, с. 488]. Специфика организации дисциплинарного пространства состоит также в том, что надзор осуществляется даже тогда, когда надзирателя не видно. Здесь следует остановиться на идее, которую Фуко воспринимает как одну из основополагающих в рамках теории дисциплинарного общества, – идее паноптикума Иеремии Бенгтама.

В одном из интервью Фуко, говоря о том, насколько важен вопрос о «полной видимости тел, индивидов, вещей» [8, с. 220], замечает, что изначально данная тема заинтересовала его в контексте своеобразной архитектуры тюрем. В первой половине XIX в. тюрьмы строились по следующей схеме: по краю располагалось кругобразное здание, в середине этого круга находилась башня, в башне же проделывались широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строем по краю было разбито на камеры, каждая из которых проходила сквозь всю толщу здания. У этих камер было по два окна: одно, выходящее внутрь напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. В центральную башню достаточно поместить одного надзирающего, а в каждую камеру запирать безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника, и на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругобразного здания.

Фуко признает, что, благодаря перечисленным выше особенностям организации пространства тюрем, построенных в первой половине XIX в., была решена важнейшая для того периода задача – задача надзора [7, с. 292]. Философ отмечает при этом, что пространство, организованное таким образом, отвечает «перевернутому правилу темницы». Надзор оказывается эффективным при условии полной освещенности: взгляд надзирателя стережет лучше, чем тьма, «которая в конце-то концов укрывает» [8, с. 221].

Подобная схема контроля обладала весьма важной характеристикой: власть всегда оказывалась в тени и в буквальном и в переносном смысле. Положение человека, потерявшего свободу, усугублялось тем, что он становился объектом невидимого и всеобъемлющего надзора, источник которого был скрыт. Благодаря данному свойству, органы власти получали безусловное преимущество, в то время как индивид, находящийся под наблюдением, имел лишь одно право – знать о постоянном контроле.

Размышляя над идеей паноптикума, представленной в «Надзирать и наказывать», исследователь творчества Фуко Морис Бланшо замечает: «В качестве трагического преимущества подобная видимость <...> способна сделать бесполезным физическое насилие, которому иначе должно было бы подчиниться тело» [1, с. 31]. Закономерность, которую подчеркивает Бланшо, связана с одной из основных мыслей «Надзирать и наказывать»: чем незаметнее становятся проявления власти, тем жестче их реальное воздействие.

При оценке результатов исследования, предпринятого Фуко в «Надзирать и наказывать», Бланшо утверждает, что апофеозом совершенствования властных тактик становится тот факт, что каждый оказывается подчиненным власти и при этом оправдывает властные действия или, по меньшей мере, мирится с ними. Бланшо пишет: «Мы все более и более подавляемы. Из этого уже не грубого, а деликатного *подавления* мы извлекаем знаменитое следствие, оказываясь *подданными*, свободными субъектами, способными трансформировать в знание самые разные приемы лучшей власти» [1, с. 32, 33]. «Ложь власти», о которой говорит Бланшо, заключается в том, что за кажущейся мягкостью наказания скрывается более серьезная мера.

Несмотря на то, что Фуко признает факт наличия многочисленных и более разнообразных технологий власти, пришедших на смену паноптикуму [8, с. 221], проблема действия скрытой власти, остается в фокусе внимания Фуко на протяжении долгого времени. «Перевернутое правило темницы» прекрасно работает в целях реализации функции надзора. Однако помимо задачи надзора у политической архитектуры есть и другая функция. Фуко называет ее хозяйственной.

«Прежде искусство строить отвечало главным образом потребности проявлять власть, божественность, силу, – пишет Фуко. Главными формами здесь были дворец и церковь, к которым надо также добавить и укрепления, ибо так проявлялось могущество, так выражали суверенность, так отображали Бога.

Вокруг этих требований с давних пор и развивалась архитектура. Однако в конце XVIII века у неё появляются новые задачи, ибо возникла необходимость использовать обустройство пространства в хозяйственно-политических целях» [8, с. 223]. В качестве примера философ приводит размышления французского историка Филиппа Арьеса. Политическая архитектура в том смысле, который придает этому понятию Фуко, приобретает свой законченный вид только к XVIII столетию. До этого времени пространство (например, жилища) оказывалось недифференцированным. «В доме есть комнаты, в них едят, спят, принимают гостей, однако где – неважно. Но затем пространство постепенно обособляется и становится функциональным» [8, с. 223].

Политическая (властная) функциональность пространства актуальна для любой сферы жизни. Фуко говорит об особом принципе организации территории, которую осуществляют власти. В качестве примера философ приводит свидетельства о строительстве рабочих поселков в 30–70-е гг. XIX в. Особенность организации этого вида жилого пространства заключается в том, что типовая застройка является, по мнению Фуко, гарантией власти возможности абсолютного контроля над теми, кто живет на определенной территории. Когда семье рабочих дают жилье таком районе, то начинает работать определенная властная программа. Речь идет не только и не столько об архитектуре места, в котором живет семья, но об архитектуре ее существования. Фуко пишет, что, предназначив для семьи «жизненное пространство с одной комнатой, которая будет служить кухней и столовой, одной комнатой для родителей, которая станет местом для продолжения рода, и одной комнатой для детей» [8, с. 224], власть предписывает людям, живущим на данной территории соответствующий тип нравственности. Организация пространства, таким образом, становится механизмом власти.

Анализ подобного рода примеров позволяет Фуко сделать вывод о том, что для исследования специфики функционирования власти следует обращаться к механизмам организации пространства, начиная с геополитических стратегий, заканчивая особенностями конструирования классной комнаты или больницы. История пространств для Фуко есть история различных видов власти и поэтому является особым и обязательным объектом для исследования.

Здесь трудно не провести параллель со ставшими обычными для большинства современных мегаполисов офисов, организованных по принципу “open space” («открытого пространства»). Феномен пространства, сконструированного таким образом, заключается в том, что даже при отсутствии начальства остается возможность беспрепятственно контролировать сотрудников. Дело в том, что само пространство, разделенное на клетки, между которыми практически отсутствуют перегородки (иногда перегородки сделаны из стекла), лишает сотрудника ощущения свободы.

Механизм власти, воплощенный в идее «open space», является даже более мощным, чем механизм паноптикума. Все-таки паноптикум предполагает наличие надзирателя, а офис «open» в «надзирателе» не нуждается. Каждый из тех, кто работает, волей-неволей осуществляет функцию надзора, каждый из тех, кто дорожит работой, помнит об этом. Каждый, работающий в таком пространстве, оказывается надзирателем для себя самого.

Фуко говорит: «Власть повсюду потому, что она отовсюду исходит» [6, с. 193]: тюрьме, архитектура которой задана идеей паноптикума, в современном офисе, сконструированном по принципу “open space”. Тип организации пространства соответствует определенному механизму действия власти, властный механизм является, по Фуко, критерием классификации типов обществ. Фуко выделяет общества суверенитета [6, с. 248–322], дисциплинарные общества и общества контроля.

Цели стоящих у власти в эпоху обществ суверенитета сводились к сбору налогов и вынесению смертных приговоров. Задачи власти в дисциплинарных обществах (XVII–XIX вв.) состояли в безупречной организации ограниченного пространства, а также в умении его контролировать. По замечанию Жюль Делеза, Фуко дал прекрасный анализ идеального проекта пространств изоляции, продемонстрировав, что индивид непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому, у каждого из которых свой собственный дисциплинарный закон (семья, школа, казарма, иногда больница, иногда тюрьма) [4, с. 228].

Помимо характеристики изоляции дисциплинарная власть, по Фуко, обладает целым рядом вполне определенных черт. Для дисциплинарной власти характерно стремление к контролю за перемещением индивидов в пространстве, за временем, которым располагают индивиды, за организацией массы людей в единый механизм. Известный российский исследователь З. А. Сокулер отмечает, что все в рамках дисциплинарной власти у Фуко направлено на устранение беспорядка [5, с. 67–75]. Под «беспорядком» подразумеваются любые отклонения от нормы, к ликвидации которых стремиться дисциплинарная власть. Таким образом, нормализация и дисциплина становятся основными техниками власти в эпоху дисциплинарных обществ.

Дисциплинарные общества достигли своего расцвета в XX в. Однако на смену им неизбежно должен был прийти новый тип общества, с новой властью. Фуко и его единомышленники, среди которых следует особо отметить Жюль Делеза, полагают, что к новым видам общества относятся общества контроля.

В своем эссе «Post Scriptum к обществам контроля» Делез подробно останавливается на основных характеристиках общества такого типа, параллельно связывая их с некоторыми аспектами теории власти Фуко. Философ утверждает, что дисциплинарные общества исчерпали себя, поскольку старые дисциплинарные методы могли действовать только в замкнутой структуре. Теперь же, по мнению Делеза, человечество становится свидетелем кризиса закрытых пространств. Мыслитель приводит примеры из сфер здравоохранения и образования: уход на дому и постепенный отказ от воспитания только в рамках образовательных учреждений [4, с. 223–228]. Подобные изменения в устройствах общественных институтов, очевидно, предполагают новые формы управления ими. Парадокс заключается в том, что с ослаблением границ, отделяющих одну сферу общества от другой, методы контроля становятся более совершенными, изощренными. В отличие от контроля физического, приемлемого в закрытом, изолированном пространстве, в новом обществе должен преобладать контроль над информацией.

Стоит отметить, что эссе Делеза появилось в 1990 г., работы Фуко принадлежат к временному отрезку, еще более отдаленному от настоящего момента. Тем не менее, многие из аспектов, касающиеся политической проблематики в целом и властного контроля в частности остаются актуальными сегодня. В качестве доказательства можно привести некоторые замечания Делеза по поводу изменения инструментариума власти в обществах контроля.

По Делезу, эпоха общества контроля – это эпоха кибернетических машин и компьютеров [4, с. 228]. Самым важным и мощным средством управления людьми становится информация, которая может принимать форму цифр, шифров, знаков, визуальных и виртуальных образов. В сущности, наибольшей властью обладает тот, кто имеет доступ к определенной информации. Делез пишет: «Цифровой язык обществ контроля основан на шифре, который допускает вас к информации или отказывает в доступе» [4, с. 230]. Здесь возникает вопрос о том, насколько правомерно говорить о власти в сообществе, где главной силой становится не обладание стратегически важной территорией, не умение выстраивать определенную тактику управления, а доступ к информации.

Власть в обществе контроля существует, но меняет свою форму. Метафора «пирамида власти» не работает в пространстве знаков. Для того, чтобы стать эффективной, власть сама должна стать знаком, отказаться от иерархии в собственной структуре. Такая форма существования власти в новом политическом пространстве опять же предполагает определенный механизм действия. Описание этого механизма присутствует в работах Фуко. Власть в современном обществе, обладает свойством подвижности, следовательно, ее можно обнаружить в каждой точке социально-политического пространства. Однако есть одно условие: власть осуществляется только в том случае, если присутствуют «отношения неравенства» [6, с. 194]. То есть при отсутствии некоторых условий для образования отношений неравенства власть не проявляет себя, то есть находится в дремлющем, скрытом состоянии.

В заключение следует отметить, что концепция политического пространства М. Фуко зачастую подвергается критике. Так, Юрген Хабермас считает позицию Фуко абстрактной и не достаточно убедительной. «Фуко утверждает, – пишет Хабермас, – что “паноптикум”, скопированный с современного исполнения наказаний, показателен для самой структуры общественной модернизации в целом. Фуко в состоянии сформулировать только абстрактный аргумент; его мысль вращается вокруг основных понятий, характеризующих теорию власти, нормативные структуры выводятся за границы развития права» [9, с. 298]. Однако Фуко сознательно стремится уйти от «юридическо-дискурсивного» подхода к пониманию власти, утверждая, что он сужает содержание феномена власти. Власть трактуется Фуко шире, чем какая-либо институциональная форма ее выражения, что объясняет наличие совершенно особого взгляда на категорию политического пространства.

Список литературы

1. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб.: Machina, 2002. 96 с.
2. Вишневский О. О. Соотношение политики и рациональности в политической теории Мишеля Фуко. М., 2005. 197 с.
3. Грицанов А. А. «Надзирать и наказывать» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, Интерпрессервис, 2001. 1040 с.
4. Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. 240 с.
5. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 2001. 240 с.
6. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. 504 с.
8. Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. Т. 1. 384 с.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

References

1. Blanchot M. *Michel Fouco, kakim ya sebe ego predstavlyayu* [Michel Foucault, as I imagine him]. St. Petersburg, Machina Publ., 2002, 96 p.
2. Vishnevsky O. O. *Sootnosheniye politiki i ratsionalnosti v politicheskoy teorii Michelya Fuko* [The correlation of politics and rationalism in Michel Foucault's political theory]. Moscow, 2005, 197 p.
3. Gritsianov A. A. "Nadzirat i Nakazyvat" ["Supervise and Punish"]. *Postmodernism. Encyclopedia*. Minsk, Knizhny Dom Publ., Interpresservice Publ., 2001, 1040 p.
4. Deleuze J. *Peregovory* [Negotiations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 240 p.
5. Sokuler Z. A. *Znaniye i vlast': nauka v obschestve moderna* [The knowledge and power: science in the society of Modern]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001, 240 p.
6. Foucault M. *Volya k istine* [Will to truth]. Moscow, Kastal Publ., 1996, 448 p.
7. Foucault M. "Nadzirat i Nakazyvat" ["Supervise and Punish"]. Moscow: Ad Marginem, 1999, 504 p.
8. Foucault M. *Oko vlasti. Intellektualy i vlast'* [The eye of power. Intellectuals and the power]. Moscow, Praxis Publ., 2002, vol. 1, 384 p.
9. Habermas J. *Filosofsky diskurs o moderne* [Philosophical discourse about the Modern]. Moscow, Ves Mir Publ., 2003, 416 p.